

— Не стоит удивляться чудесам нашего города, о путник, — продолжил чуть хриловатым голосом Аладдин, высокий привлекательный мужчина.

Трудно было определить его возраст, ясно было лишь одно — невзгоды оставили следы на его лице, посеребрив на висках некогда иссиня-черную шевелюру и разбежавшись морщинами от уголков мудрых глаз.

— Но как же мне не удивляться чудесам прекрасного Багдада, о Аладдин?! Здесь каждый камень наполнен тайнами, за поворотом любой улочки скрывается легенда, а ночная пора обещает еще не одну сотню преданий...

— Ты прав и не прав, чужестранец. Да, стены нашего великого города, пусть хранит его Аллах милосердный, властитель сущего, видели множество чудес. Но главное чудо и главный секрет нашего города — это его жители. Они украшают белостенный Багдад так же,

как самоцветные камни украшают скромное золотое кольцо.

— Разум подсказывает мне, благородный Аладдин, что и ты хранишь в своем сердце не одну легенду о великом Багдаде... — Путник из далекой страны, что лежит на закате солнца, отпил из пиалы глоток шербета.

— Наш мудрый Аладдин и сам — живая легенда прекрасного Багдада, — вступил в разговор третий собеседник, Фарух.

Был он уже немолод, но так силен, что соседи просто диву давались. Говорили, что странствия с самим великим Синдбадом-мореходом необычайно закалили Фаруха и что теперь ему суждена целая тысяча лет жизни.

— Так быть может, мудрый Аладдин поделится с нами этой легендой? — в глазах путника горел нешуточный интерес.

— Да будет так, — наклонил голову мудрый Аладдин. — Но произошло это давно... Еще в те времена, когда я был очень молод и очень глуп. Должно быть, мне сегодняшнему и не пристало стыдиться своего скудоумия в юные годы. Но... Это так. И потому я расскажу историю своего первого приключения так, будто произошла она не со мной, а с юношей, что живет по соседству... Быть может, на нашей улице... А быть может, на восточной окраине этого прекрасного и великого города, да будет суждено ему сто жизней!..

Макама первая

Под высокую сводчатую арку главных ворот великого города Багдада неторопливо входил путник в длинной черной запыленной одежде. Посох его был истерт, износились и его башмаки. Но странник дышал ровно — так может дышать человек, привыкший к далеким и трудным переходам. Уверенным движением он откинул с лица конец чалмы, и суровое обветренное лицо осветила улыбка.

Перед ним лежал город, которому предстояло стать городом Судьбы. Где-то здесь живет тот, кому откроется тайна всех тайн, сокровеннейший путь к величю и могуществу. Тот самый путь, который искал странник. Но до начала поисков этого человека, человека Предзнаменования, нужно было раскрыть еще одну тайну. Странник в черном знал, что у стен древ-

ней обсерватории, развалины которой лежали к полудню от городской стены, ему должно открыться знание... И как бы ни был далек путь, что уже прошел странник, но до желанного отдохновения его отделяла еще не одна тысяча шагов. И потому, вновь прикрыв лицо краем чалмы, суровый незнакомец вошел в город.

Буйство красок на миг ослепило человека в черном. Стены домов были снежно-белыми, одеяния горожан пестрели всеми цветами радуги, заборы-дувалы скрывались под многоцветными коврами, игравшими на ярком солнце самоцветами блестящих нитей... И гомон... И крики торговцев... И суета... И бесконечное мельтешение...

Как далек был сейчас человек в черном от всего этого! Как мечтал он тенью проскользнуть к старым камням обсерватории!.. Где-то там ждало его не только знание о человеке Предзнаменования, но и заветный камень, Камень Судьбы.

Если в Книге жизни сможет он найти свою страницу, то ждет его невиданное величие, могущество, подобное могуществу бога, жизнь, сладость которой не сравнить даже со всем медом стран и городов мира... Но если Камень Судьбы не захочет открыться ему сейчас, значит, не захочет уже никогда. Ибо нынешнее странствие, которое должно было завершиться в этот день на закате, будет последним, пятым странствием... Уже четыре раза звезда Те-

леат призывала его в дорогу, четыре раза восходила над ним, но скрывала путь к Камню Судьбы. Но не зря же ветер далекого моря принес ему повеление отправиться в странствие именно в тот жаркий день, когда лето переваливает через середину!

Человек в черном считал себя великим магом. Быть может, так оно и было — ибо ведомы были ему голоса пыли и ветра, моря и звезд. По листьям платана он читал как в раскрытой книге. А каждый цветок жасмина был для него подобен голосу человека, что повествует о понятном и близком. Не один десяток лет провел человек в черном среди магов Магриба. Тайком собирал знания еще в те дни, когда был лишь учеником. Когда же заметил его наставник, стал он самым сосредоточенным и внимательным из всех воспитанников. Тайные слова и обряды, изустные знания и книги, мелодии человеческих жизней и жизней тварей в пучинах — все со временем изучил этот суровый человек. И наконец настал тот день, когда понял он, что вобрал в себя все тайные знания до последней крупинки. Но не ради всех знаний мира трудился в поте лица этот загадочный человек. Ибо колдовство Магриба воспитало не просто могущественного мага, а *самого* могущественного... Этому человеку никогда не нужна была часть власти — он хотел всегда *всей* власти, его не интересовали крохи знаний — ему нужны были *все* знания, его не волновала лишь мирская власть — он мечтал о власти надо всем сущим. Одним словом, этот черный магрибинец был жаден до могущества, и жадность его воистину не знала пределов.

Вот этот человек и искал теперь дорогу к развалинам обсерватории. Вернее, он прокладывал себе до-